

124 МАР 1981

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В гостях у Мариэтты Шагинян

Март в Переделкине. Голубые проталины на сугробах, свежо, звонко и солнечно.

Открываю дверь — встречу черная желтоглазая кошка, давняя моя знакомая. Зовет ее хозяйка ласково — Пусик.

Слышу, скрипит лестница. Осторожные шаги.

— Кто ко мне пришел?

Из кабинета, что на втором этаже, спускается Мариэтта Сергеевна.

Для начала она должна дружески поворчать. Это ее стиль.

— Вам нужно было, голубчик, приехать к обеду.

Но тут же предлагает:

— Мы сейчас будем пить кофе. И есть оладьи.

Прошли на веранду. В вазе на столе — большой букет гвоздик — вчера прислали из Армении. Ветки вербы. Первые фиалки. Стопка писем и телеграмм. При мне принесли еще одну.

— Кто прислал? — спрашивает Мариэтта Сергеевна.

— Подписано: Утесычи.

— С Утесовым мы старые друзья. Утесов — это целая эпоха. Я даже написала о нем как-то статью. «Веселая серьезность».

На подоконниках — ленинские тома с закладками, книги, книги.

Мы пьем кофе и говорим о новостях.

Этот жадный интерес к жизни, к движению ее я ощущаю всякий раз, когда встречаюсь с Мариэттой Сергеевной. У нее множество вопросов, суждений, сомнений, воспоминаний.

Круг тем разговора всегда необычайно широк. Так и на этот раз. Проблемы мировой политики и блоковые дни, последствия ядерной радиации для жизни человечества и дела писательские, статья о преподавании математики в «Коммунисте» и новый роман Чингиза Айтматова, редакционные новости и воспоминания.

Ум ясный, формулировки отточенные, память цепкая, юмор и даже, пусть простят мне это слово, кокетство — только вот в давней глухоте добавилась почти полная потеря зрения. Писательнице сделали особые очки, на левом окуляре что-то вроде маленькой подзорной трубы, надо водить книгу или письмо, держа их вплотную перед окуляром, и так — строчка за строчкой.

Но Мариэтта Сергеевна продолжает работу. Скоро выходит большой том ее «Ленинианы», и с помощью друзей она держит корректуру; готовятся к переизданию мемуары «Человек и Время», и нужно что-то еще раз уточнить; редакция «Коммуниста» заказала статью об Илье Николаевиче Ульянове.

Она приглашает меня в кабинет, и мы поднимаемся наверх, на второй этаж.

Вместе с нами отправляется и Пусик и тут же укладывается на пестром коврике у письменного стола.

— Вот посмотрите, что мне сделали друзья, — и она показывает гроссбух; на его страницах большими буквами переписаны телефоны близких и редакций. — Как когда-то я победила глухоту, так теперь я побеждаю слепоту. Три часа в день я работаю обязательно.

Мы подходим к письменному столу. Она берет ленинский том — «Государство и революция».

— Это моя любимая книга. Я знаю ее почти наизусть, но сейчас просматриваю вновь.

Потом роется на столе.

— Вот еще — по две стра-

ницы читаю ежедневно, взяла в Детгизе сказки Андерсена. С крупным шрифтом. Где это я остановилась? Ах, да, «Серебряная монетка». Мудрая книга.

Потом берет две толстые тетради — коричневую № 73 и красную. На красной от руки крупно написано: № 74. Каждый год дневников имеет свой номер.

— Продолжаю писать дневники. Даже если не вижу, то пишу как бы наощупь. Каждый день.

Потом отвлекается:

— Редко выезжаю в город. А надо бы махнуть в консерваторию. Говорят, будет отличный концерт.

Мы спускаемся вниз. И кошка идет с нами.

Мариэтта Сергеевна гладит ее.

— О, у нее и характер! Я его уже достаточно изучила. Впрочем, она — мой тоже.

Мы прощаемся, она стоит на ступеньках лестницы и дружески поглаживает Пусика.

— Ну, всего, всего. В следующий раз привозите новостей побольше.

Я выхожу во двор — солнце продолжает вызванивать капли.

Мариэтта Сергеевна Шагинян, старейшая наша писательница, встречает свой девяносто четвертый год.

Дмитрий МАМЛЕЕВ.